

Когда Алику было около шести лет, отец его решил переехать из Лимингтона в Редхилл, графство Суррей. Тому была какая-то причина, связанная с гравийной почвой и сельской жизнью. Дом называли «Фермой». Он стоял посреди большого прямоугольного сада, который одним концом упирался в лес, нависавший над дорогой между Редхиллом и Мерстемом, примерно в миле от Редхилла или чуть дальше. Алик прожил там до 1886 года, и в его памяти этот период запечатлелся как время сплошного счастья. Он с предельной ясностью помнит бесчисленные эпизоды, и отбирать значимые события уже становится сложно. У него были домашние учителя; Алик запомнил их уроки, хотя воспоминания о самих гувернерах изгладились из памяти. Он очень тщательно усвоил основы географии, истории, латыни и арифметики. Постоянно приходил в гости кузен Грегор Грант, который был старше Алика на шесть лет; странно, что ему оказывалось такое снисхождение, — ведь Грегора воспитывали в пресвитерианской вере. Этот молодой человек очень гордился своей родословной. Эдвард Кроули то и дело посмеивался над ним, говоря: «Мой род происходит от садовника, которого выгнали из сада за кражу хозяйского плода»¹. Эдвард Кроули не терпел обращения «эсквайр»² и даже не позволял называть себя «мистером». Похоже, это был какой-то атавизм, ибо один из Кроули некогда подал Карлу I прошение об упразднении родового герба; впрочем, его наследник попросил Карла II восстановить герб, что и было исполнено. Таково свидетельство сатанинской гордыни, присущей этому семейству. Эдвард Кроули презирал мирские титулы, ибо был гражданином небес. Он не принял бы почестей ни от единой персоны, рангом ниже Иисуса Христа.

Алик припоминает некую даму, явившуюся на Ферму просить пожертвований в пользу «Наших Солдат в Египте»³. Эдвард Кроули набросился на нее и застрашал до слез гневной филиппикой о «библиях и бренди»⁴. Впрочем, против Общества трезвенников он был настроен очень резко. Он утверждал, что трезвенники обычно надеются вымостить себе дорогу на небеса добрыми делами, а потому не понимают, что в первую голову должны взыскать Иисуса. Во время одной воскресной проповеди в ратуше он заявил: «Я предпочел бы проповедовать перед тысячей пьяниц, чем перед тысячей непьющих». В ответ его обвинили в связях с «Пивоварней Кроули». Он ответил, что в течение девятнадцати лет, пока в его владении находились акции этой пивоварни, сам он не брал в рот ни капли спиртного. Какое-то время назад он нарушил воздержание, но при этом вложил все деньги в водопроводную сеть <в Амстердаме. Поначалу предприятие было убыточным, ибо местным жителям не пришлось по нраву жидкость без вкуса, запаха и цвета.>

Кроме Грегора Гранта, единственными товарищами Алика были сыновья местных плимутских братьев. Сознание своего аристократического превосходства было в этой среде чрезвычайно острым. Обычные мальчишечьи игры, в которых фигурировали разнообразные знаменитости того времени, вроде сэра Гарнета Вулзли⁵ или Араби-паши⁶,

¹ «Мой род происходит ... за кражу хозяйского плода»: т.е., от Адама, изгнанного из рая за вкушение запретного плода от Древа познания.

² *Эсквайр* — здесь: почетный дворянский титул, в обиходе часто употреблявшийся как равнозначный слову «джентльмен».

³ «...в пользу "Наших Солдат в Египте"»: в 1882 году британская армия оккупировала Египет в целях обороны Суэцкого канала; во главе государства был поставлен английский генеральный консул

⁴ «Библии и бренди» — символ духовного и физического порабощения местного населения территорий, оккупированных «белым человеком» в эпоху колонизации.

⁵ *Вулзли* (Уолсли), Гарнет Джозеф (1833—1913) — британский военачальник, фельдмаршал; служил в Бирме, Китае, Канаде, Египте, участвовал в Восточной войне 1853—1856 гг. и в подавлении Восстания сипаев.

на практике осложнялись совместными атаками против так называемых хамов. Особенно отчетливо Алику запомнилось, как они лежали в засаде на опушке леса, поджидая ребят, направлявшихся в Национальную школу. Угодив несколько раз под шквал горошин и стрел, те, в конце концов, прониклись ужасом и нашли обходную дорогу.

Напротив просеки, через дорогу, был песчаный карьер. Алик помнит, как однажды он спрыгнул с альпенштоком на землекопа, работавшего внизу, набросился на него, сбил с ног и дал деру. Впрочем, такую храбрость он являл не всегда. Однажды он ударил и порвал тем же альпенштоком коробку мальчишки-посыльного. Мальчишка, однако, оказался итальянцем: он гнался за обидчиком до самой Фермы, где, понятное дело, за Алика вступились взрослые. Но Алик помнит, что был очень напуган и даже разревелся, потому что итальянцы связывались у него в голове с кинжалами. Вот и еще один любопытный психологический момент. Он не боялся, что его побьют или порежут, но мысль о том, что кто-то может проткнуть ему кожу, действовала на нервы. Даже при виде обычного шприца для подкожных инъекций ему приходилось прикладывать немало усилий, чтобы собраться с духом.

Во внешности Алика имелось и сохранилось на всю жизнь нечто восточное — китайское или древнеегипетское. Его мать, как уже говорилось, в школе прозывали Китайночкой, а в облике его дочери, Лолы Зазы, монгольские черты проступили еще отчетливей. Эта особенность отразилась и в образе его мышления. Ни одна европейская религия или философия так и не вызвала у него симпатии, а из еврейского и мусульманского учений он воспринял только мистицизм каббалистов и суфиев. Даже индуистская психология, сколь бы тщательно он ни изучал ее, никогда не удовлетворяла его до конца. Как будет показано, даже буддизму не удалось завоевать его преданность. Но с «И цзин»⁷ и трудами Лао-цзы⁸ он сразу же почувствовал себя как дома. Как ни странно, в равной мере привлекательными оказались символика и магическая практика Древнего Египта, сколь бы ни были две эти системы, на первый взгляд, несовместимы друг с другом (первая — атеистическая, анархистская и созерцательная, вторая — теистическая, иерархическая и деятельная). Восток манил его уже в детстве, о чем свидетельствует один очень важный эпизод. В какой-то исторической книжке об Индийском восстании⁹ был портрет Нана-сахиба¹⁰ — гордый, страстный, жестокий, чувственный профиль. Это был его идеал красоты. Мальчик ни за что не хотел поверить, что Нана-сахиба поймали и убили. Он мечтал отыскать Нана-сахиба, стать его помощником, вместе с ним пытаться пленников и самому терпеть мучения от его рук. Когда Грегор Грант понарошку был Хайдаром Али¹¹,

⁶ *Араби-паша* (Ораби-паша), Ахмед (1842—1911) — государственный и военный деятель Египта, командовавший египетской армией в англо-египетской войне 1882 года. Потерпел поражение, был взят в плен и сослан на о. Цейлон, но в 1901 году получил помилование и вернулся в Египет.

⁷ «И цзин» (кит. «Книга перемен», или «Канон перемен») — древнекитайский философский трактат, основанный на системе 64 символов — гексаграмм, каждая из которых обозначает тот или иной этап развития определенной жизненной ситуации. Система «И цзин» с древних времен применялась в мантике.

⁸ *Лао-цзы* — легендарный древнекитайский мыслитель, основоположник религиозно-философского направления даосизма. Легендарный автор древнекитайского трактата «Дао дэ цзин», (IV—III вв. до н.э.), канонического сочинения даосизма.

⁹ *Индийское восстание* (Восстание сипаев, 1857—1859 гг.) — движение против английских колонизаторов, военным ядром которого были сипаи (наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся в английскую колониальную армию из местных жителей). Восстание было жестоко подавлено англичанами.

¹⁰ *Нана-сахиб* (наст. имя Данду Пант, ок. 1820 — ок. 1859) — один из вождей Восстания сипаев, участвовал в ряде крупных сражений против британских колонизаторов. После разгрома основных очагов восстания скрылся в джунглях Северной Индии; его дальнейшая судьба неизвестна. Стр: 2

¹¹ *Хайдар Али* (1722—1782) — правитель индийского княжества Майсур (с 1761 года), организатор сопротивления британским завоевателям в Южной Индии. Одержал победу в 1-й англо-

а Алик — Типу Султаном¹², Алик однажды попросил своего кузена: «Будь со мной жесток».

Влияние кузена Грегора в тот период было чрезвычайным. Когда Грегор был Робом Роем, Алик был Грюмоком, атаманом разбойников из романа Джеймса Гранта¹³. Макгрегоры привлекали Алика как самый величественный, несправедливо обиженный, романтический, смелый и одинокий из всех шотландских кланов. Не вызывает сомнений, что этой фантазией во многом объясняется то страстное восхищение, которое позднее внушил ему глава Герметического ордена Золотой Зари, Мазерс из Гемпшира, непонятно почему представлявшийся Макгрегором из Гленстрэ¹⁴.

Один из самых достопримечательных фактов ранних лет жизни этого мальчика — его отношение к родителям. Отец для него был героем и другом, хотя подлинной осознанной близости и взаимопонимания между ними по тем или иным причинам не было. Мать он всегда недолюбливал и презирал. Физическое отвращение соединялось здесь с интеллектуальным и социальным чувством превосходства. Он обращался с ней едва ли не как со служанкой. Возможно, именно поэтому воспоминаний о ней, относящихся к тому периоду, практически не сохранилось. Мать всегда была настроена к нему враждебно. Помнится, как однажды она застала мальчика за чтением «Мартина-пустомели»¹⁵ в воскресный день и принялась бранить его. Эдвард Кроули встал на его сторону. Если эта книга достаточно хороша, чтобы можно было читать ее в другие дни, то почему нельзя в воскресенье? Для Эдварда Кроули каждый день был Днем Господним; почитать день отдыха — это для иудеев.

Когда Алику было восемь лет или около того, отец отдал его в школу — частную школу в Сент-Леонардсе. Владели ею старик по фамилии Хабершон и двое его сыновей, строжайшие евангелисты. Эдвард Кроули постарался уберечь сына от неприятности, встречающейся в английской школьной жизни на каждом шагу. Он избрал очень мудрый способ. Он с чрезвычайной выразительностью прочел мальчику рассказ об опьянении Ноя и о том, что за этим последовало¹⁶, а затем подытожил: «Никогда не позволяй, чтобы тебя трогали в этом месте». Сформулированный таким образом, запрет этот не пробудил нездорового любопытства.

О своем пребывании в этой школе Алик почти ничего не помнит; сохранилось, правда, яркое зрительное воспоминание о спортивной площадке с «гигантскими шагами». Соучеников он позабыл, хотя образы всех трех учителей до сих пор свежи в памяти. Также запомнился один из ряда вон выходящий инцидент. Вместо того чтобы ответить хоть на какой-нибудь из вопросов в экзаменационной работе, он притворился, будто не понял задания, и написал ответ, достойный Джеймса Джойса. Но учителя почему-то не сообразили выставить на продажу издание со столь ограниченным тиражом и заломить за него баснословную цену. Автора крепко высекли. Нимало не раскаявшись, автор принялся

майсурской войне 1767—1769 гг., но впоследствии стал терпеть поражения, лишился союзников и умер в разгар 2-й войны с Британией.

¹²

Стр:

3

Типу Султан (1750—1799) — сын Хайдара Али, правитель Майсура, возглавивший борьбу с британскими завоевателями после смерти отца. Погиб при штурме англичанами столицы княжества — города Серингапатам.

¹³ «...*Робом Роем* ... из романа Джеймса Гранта»: имеется в виду роман шотландского романиста и историка Джеймса Гранта (1822—1887) «Приключения Роба Роя» (1864), основанный на биографии подлинного исторического лица — Роберта Роя Макгрегора (1671—1734), национального героя Шотландии, разбойника, которого часто называют «шотландским Робин Гудом».

¹⁴ «*Мазерс из Гемпшира*» — Сэмюел Лиддел Мазерс (1854—1918), английский оккультист, писатель, переводчик, один из основателей Герметического ордена Золотой Зари. Увлечшись кельтской традицией и символикой, объявил себя потомком старинного шотландского рода Макгрегоров из Гленстрэ и принял вторую фамилию «Макгрегор».

¹⁵ «*Мартин-пустомеля*» (1858) — повесть Роберта Майкла Баллантайна (1825—1894), шотландского писателя, автора приключенческих книг для юношества.

¹⁶ Быт. 9:20—27.

желать старику Хабершону смерти. Как ни странно, тот и впрямь скончался несколько недель спустя, и мальчик без колебаний поставил это себе в заслугу. Интеллект этого ребенка был развит не по летам. Однажды из Лондона явился новый портной, некто Хемминг, который должен был сшить Эдварду Кроули новое платье; по видимому, произошло это почти сразу после переезда в Редхилл. Будучи плимутским братом, он поселился в доме на правах гостя. Вскоре он вызвался учить Алика игре в шахматы и более чем преуспел в этом деле, ибо выиграл только одну партию — самую первую. Стратегию Алик запомнил твердо. Главное, нужно было поймать продвинутого слона, атаковав его пешками. (На самом деле, мальчик изобрел ловушку Тарраша в дебюте Рюи Лопеса¹⁷, не прочитав еще ни единой книги о шахматах.) Этим он вырвал из уст смущенного учителя восклицание: «Ну и горазд же ваш сын закладывать, миссис Кроули!»

Между прочим, это не следует считать простой случайностью. Алик несомненно обладал особой склонностью к этой игре, ибо настоящий учитель встретился ему только в тот роковой день 1895-го года, когда У.В. Нейш, президент ШККУ¹⁸, привел победившего его «новичка» в Питерхаус¹⁹, обиталище господина Г.Э. Аткинса²⁰, который с тех пор успел сделаться семикратным чемпионом Англии среди любителей и до сих пор остается грозной фигурой на турнирах мастеров.

Стоит упомянуть, что в тот день юношу угораздило заложиться по-крупному: он попытался заманить Аткинса в новую ловушку собственного изобретения. Суть была в том, чтобы в гамбите Муцио²¹ вместо рокировки разыграть последовательность король — ладья — слон, и тогда в ответ на ход черных на d6 белые смогли бы продвинуть ферзевую пешку на d4.

В 1885 году Алика перевели из Сент-Леонардса в школу, которой заведовал плимутский брат по имени Г. д'Арси Чемпни, бывший священник, магистр педагогических наук. Описать душевный склад, присущий мальчику в тот период, будет несколько затруднительно. Возможно, его настрой определялся обожанием, которое внушал ему отец, этот высокий и крепкий, полный сил оратор и вождь, способный взволновать своим красноречием многотысячную толпу. Мальчик искренне желал следовать по его могучим стопам, а потому стремился, насколько хватит сил, во всем подражать сему великому мужу. Соответственно, он вознамерился стать самым преданным последователем Иисуса во всей школе. И стремление это не было лицемерным ни в малейшей степени. Все это выглядит абсолютно естественным; необычна отнюдь не эта ситуация, а то, что последовало за ней.

Вот письмо домой, которое он написал вскоре после зачисления в эту кембриджскую школу:

Дорогие папа и мама!

За каникульную работу мне дали подарок
отличный нож, 2 лезвия, пила, отвертка, шутовина
вытаскивать колючки, еще доставать камушки из

¹⁷ Лопес, Рюи (сер. XVI в.) — испанский шахматист и шахматный теоретик, автор «Книги об изобретательности и искусстве игры в шахматы» (1561), одного из первых теоретических трудов в истории шахмат. Изобретатель знаменитой «испанской партии», до сих пор сохранившей свое первоначальное название — «дебют Рюи Лопеса» и позволяющей применить ловушку, впервые использованную немецким шахматистом Зигбертом Таррашем (1862—1934).

¹⁸ ШККУ — Шахматный клуб Кембриджского университета.

¹⁹ Питерхаус — старейший колледж Кембриджского университета (основан в 1284 г.).

²⁰ Аткинс, Генри Эрнест (1872—1955) — британский шахматист, одержавший 9 побед в серии из 11 национальных чемпионатов (начиная с 1904 года).

²¹ Гамбит Муцио — шахматный дебют, начинающийся ходами: 1. e2-e4 e7-e5; 2. f2-f4 e5:f4; 3. Kg1-f3 g7-g5; 4. Cf1-c4 g5-g4 и завершающийся рокировкой.

лошадиных подков, еще одна не знаю для чего, сапожное шило, буравчик и штопор и табличка с именем. Он местами никлированный, но ручка слоновой кости. Асвальт <на спортивной площадке> просел посредине. Нас недавно чуть не взорвал этот смащик <Кто бы это мог быть? Ясное дело, «смащик», но что он такое натворил?>, серьезно. Нам перенесли на пятницу В, выходной. Пожалуйста вышлите мне немного денег на феерверки. Пришлите мою банковскую книжку к 1-му числу пожалуйста. Я очень хорошо себя чувствую, спасибо! Меня взяли в компанию ребята, которых благословил Господь, они стараются и помогают другим и говорят с ними об их душах. Я скоро еще напишу. Пишите скорее пожалуйста

Досвиданья

Ваш любящий сын

АЛЕК

В этой школе он был абсолютно счастлив: мальчикам он внушал приязнь и восхищение, в учебе делал удивительные успехи и чрезвычайно гордился своей первой наградой — «Селборном» Уайта²², который получил за лучшие в классе отметки по предметам, именованным «Закон Божий, классические языки и французский».

Но книгу эту он так и не прочел по сей день! К некоторым предметам он питал инстинктивное отвращение, глубокое и неискоренимое. Одной из таких дисциплин было естествознание во всех его разновидностях. Почему — трудно сказать. Быть может, мальчику неприятно было анализировать красоту? Или он просто чувствовал, что некоторые предметы не слишком важны для него и не принесут никакой пользы в том, чем он на самом деле желал заниматься? Одним словом, в отношении того, стоит ли посещать какой-либо курс, он обычно принимал решение раз и навсегда. Если решение было положительным, он брался изучать этот предмет с жадной оленя, спешащего к водопою; если же нет, то убедить его потратить хотя бы час на это занятие не удавалось никакими силами.

Именно в этой школе он начал писать стихи. С поэзией он тогда был практически незнаком, если не считать таковой «Касабьянку», «Excelsior»²³, вирши сэра Вальтера Скотта и прочую подобную дребедень. Однако ему искренне нравились сочиненные плимутскими братьями «Гимны для маленькой паствы». Если память ему не изменяет, настоящей поэзии он впервые отведал, прочтя «Ликида»²⁴, который был включен в программу школьного выпускного экзамена. Он влюбился в эту элегию с первого взгляда и за несколько дней заучил ее наизусть. Но собственные его первые пробы пера были скорее гимнического толка. Сохранилось всего несколько строк:

²² *Уайт*, Гилберт (1720—1793) — английский священник, натуралист, автор книги «Естественная история и древности Селборна» (деревни в Восточном Гемпшире, где он родился и провел большую часть жизни).

²³ «Касабьянка» и «Excelsior» — хрестоматийные стихотворения, первое из которых принадлежит Фелисии Доротеи Хименс (1793—1835), а второе — Генри Уодсворту Лонгфелло (1807—1882).

²⁴ «Ликид» — элегия Джона Мильтона (1608—1674), написанная на смерть его друга, Эдварда Кинга.

О ужас, и тьма, и отчаянье боли!
Страданья печать на прекрасном дотоле
Челе у того, кто остался во власти
Вином переполненной чаши пристрастья.
«Вино — лишь насмешка, в спиртном —
исступленье».
Нет в смерти вина, что смягчило б мученья.

К редхиллскому периоду относятся еще воспоминания о двух летних каникулах. Одно лето мальчик провел во Франции и Швейцарии, другое — в горах Шотландии. От первого сохранилось множество впечатлений, по преимуществу зрительных: Гранд-отель в Париже, Люцерн и Лион, Вильгельм Телль, бернские медведи, Риги, Штауббах, Трюммельбах и Гиссбах, Базель и Рейн, Пляска смерти²⁵. Нашего внимания заслуживают только два эпизода: мальчик, во-первых, категорически отказался вставать рано утром и мерзнуть ради сомнительного удовольствия полюбоваться восходом с площадки на Риги-Кульме²⁶, а во-вторых, испытал крайнее возмущение при виде водопада, подсвеченного разноцветными фонариками. Слишком острым было ощущение, что следует позволить природе идти своим путем, а ему — своим! В мире полным-полно красоты; зачем же доставлять себе неудобства, пытаюсь увидеть что-то сверх того? И, кроме того, невозможно улучшить водопад театральными эффектами!

В этой позиции уже заметен костяк вполне определенной житейской философии. Что касается Шотландского нагорья, то здесь мальчик не увидел ничего такого, что запало бы ему в память, — ибо ум его к тому времени был отравлен романтикой. Все вокруг воспринималось как фон для дурацких мечтаний Черного Родрика²⁷!

Уместно отметить еще три эпизода, связанных с редхиллским периодом. Не то чтобы они были особенно важны сами по себе, если не считать того, что в двух из них Алик предстает в роли обычного озорного мальчишки не без способностей к игре на человеческой психологии. Важно, что они служат иллюстрацией к той уникальной обстановке, в которой он жил.

Частым гостем на Ферме был пожилой джентльмен по фамилии Шеррал, питавший слабость к касторовому маслу. Эдвард Кроули имел обыкновение устраивать «чаепития»: десятка два гостей собирались, говоря попросту, на пирушку, за которой, по удовлетворении животных потребностей, следовала оргия духовных назиданий. На обеденном столе, разложенном во всю длину, ставили два серебряных чайника. В один из этих чайников юный Алик опорожнил позаимствованный у мистера Шеррала флакон с касторовым маслом. Все сошло как нельзя лучше. Гости, которым подавали чай из этого чайника, оказались чересчур вежливы или слишком запуганы, чтобы указать хозяйке на

²⁵ «Гранд-отель» — отель в центре Парижа, напротив здания Парижской Оперы. *Люцерн* — город в Швейцарии. *Лион* — город во Франции. *Вильгельм Телль* (конец XIII — начало XIV вв.) — легендарный народный герой Швейцарии, искусный лучник. *Бернские медведи*: медведь — символ швейцарского города Берн, имя которого происходит от немецкого названия этого животного (Bär). *Риги* — живописная гора в Центральной Швейцарии, прозванная «Королевой гор». *Штауббах*, *Трюммельбах* и *Гиссбах* — водопады в Швейцарии. *Базель* — город в Швейцарии. *Рейн* — река, частично протекающая по территории Швейцарии. *Пляска смерти* — здесь: традиционный карнавал в Базеле.

²⁶ *Риги-Кульм* — верхняя часть горы Риги.

²⁷ *Черный Родрик* — герой романтической поэмы Вальтера Скотта «Дева озера» (1810).

беспорядок или просто воздержаться от мерзкого пошла. Оставалось только следить за тем, чтобы чашка с подвохом не досталась самой хозяйке. Схожую шутку затем сыграли на молитвенном собрании в доме одного из «братьев», некоего Наннерлея. Вначале гостям предложили закуски; а следует сказать, что за одной «сестрой», миссис Масти, давно подметили невероятную прожорливость. Когда все гости уже насытились, несколько заговорщиков, в числе которых был и Алик, продолжали усердно потчевать эту даму, зная, что без нее собрание не начнут. Даме не хватило ума сообразить, что происходит, а прочим «сестрам» и «братьям» благовоспитанность не позволяла выдать свои чувства хотя бы намеком.

На этом всеобщем нежелании брать на себя ответственность отчасти покоился идеалистический протест «Плимутской братии» против вмешательства духовенства в светские дела. Однажды качество это проявилось поразительно ярко, и вот при каких обстоятельствах. Некто мистер Клапем, обладатель бороды, чье благоухание безошибочно выдавало в нем торговца рыбой, имел, помимо упомянутой лицевой растительности, жену и дочь, а у той, в свою очередь, был жених — мистер Мандей. Однажды последние трое отправились на экскурсию в Булонь²⁸; когда же пришло время возвращаться, обрученная парочка случайно, а может, и по умыслу, опоздала на судно, которое должно было доставить всю компанию обратно в Фолкстон. Как обычно, следовало избежать даже видимости греха, а посему миссис Клапем изгнали из братства. Надо полагать, супруг считал ее неповинной в соучастии: априори это представляется самой естественной гипотезой. Во всяком случае, воскресным утром она как ни в чем не бывало явилась к причастию и села рядом с мужем на обычное место. Очень трудно представить себе, чтобы люди, собравшиеся совершить верховное таинство своей религии, не располагали никакими способами обеспечить соблюдение приличий. Однако страх перед священником пересилил все на свете: прихожанам оставалось только молчать и ерзать от смущения. Так прошло больше часа. Наконец, один пекарь, Банфилд, поднялся с дрожью в коленках и робко осведомился: «Скажите пожалуйста, мистер Клапем, входит ли в намерения миссис Клапем преломить хлеб нынче утром?» Тут миссис Клапем выскочила из комнаты, хлопнув дверью, после чего собрание продолжилось обычным чередом.

Кое-где в Англии бурбонство живет и здравствует по сей день. Помню, как однажды, объясняя Джеральду Келли²⁹ какой-то свой поступок, я сказал, что просто воспользовался советом своего адвоката. Тот презрительно ответил: «Все законники — лакеи!» Общественный вес лорд-канцлера и юристов короны³⁰ объяснялся для него исключительно засильем законников в советах и комиссиях. Он погряз в тупой убежденности, что всякий, кто зарабатывает на жизнь своим умом, — человек низшего сорта. Разумеется, тупость такой степени — явление исключительное, однако психологические истоки этой установки легко обнаружить во многих типичных для англичан представлениях. Один из обязательных пунктов, входящих в определение чувства собственного достоинства, — немилосердное презрение ко всякому, кто принадлежит к иному классу. Когда я был маленьким, миссис Клапем — та самая, о чьих похождениях только что шла речь, — совершила великое открытие. Она поняла, что несчастлива в браке. «Как я могла любить этого человека? — воскликнула она. — Подумать только, он берет соль ножом!» Бессмысленно объяснять жене торговца рыбой,

²⁸ *Булонь* (Булонь-сюр-Мер) — портовый город на западе Франции, у пролива Па-де-Кале, связанный пассажирским сообщением с английскими городами Дувр и Фолкстон.

²⁹ Келли, Джеральд Фестус (1879—1972) — британский художник-портретист, в 1949—1954 гг. президент Британской академии художеств. В 1903 году Кроули женился на его сестре, Розе Эдит Келли (1874—1932).

³⁰ *Лорд-канцлер* — высшее судебное должностное лицо Великобритании, председатель юридической комиссии Тайного совета, ответственный за назначение мировых судей и главный советник правительства по юридическим и конституционным вопросам. *Юристы короны* — генеральный прокурор Великобритании и его заместитель

что столь утонченная приверженность этикету в любом случае смехотворна. Все английское общество сверху донизу пропитано этим духом. Нет выше удовольствия, чем возможность презирать соседа, и этого факта достаточно, чтобы объяснить всю религиозную нетерпимость англичан. И правда, как же утешительна мысль о том, что ближние твои идут прямой дорогой в преисподнюю!

Практически каждый мальчик рождается с душой аристократа. <Это связано только со степенью мужественности: сравните благородные нации — арабов, патанов, гуркхов, японцев и т.д. — с нациями «нравственными». Разумеется, потеря положения в обществе влечет за собой и утрату мужского достоинства, равно как и наоборот.>. Большинство из них ломаются, отчасти из-за грубого обращения, отчасти под давлением обретенного опыта. Но Алик был единственным сыном прирожденного вождя, и аристократический дух развивался в нем свободно и беспрепятственно. Никаких авторитетов, кроме отцовского, для него не существовало; и хотя отец упрямо не желал признавать за собой главенство над прочими «братьями», влияние его от этого не убывало. Похоже, мальчику с самого начала претило отсутствие иерархии среди «братьев»; но, с другой стороны, они составляли самое закрытое в мире общество — только им одним была открыта дорога на небеса. Таким образом, ситуация породила неразрешимое психологическое противоречие.

Маловероятно, чтобы Алик сознавал в то время, какие чувства на самом деле развивало в нем такое окружение; но теперь не вызывает сомнений, что влияние это, прежде всего, поощряло в нем гордость и честолюбие, усиливая их до совершенно нездоровых (?) размеров. Его социальное и финансовое положение, очевидная зависть со стороны знакомых, несомненные личные достоинства, как физические, так и умственные, — все это вместе взятое привело к тому, что он отказался довольствоваться каким бы то ни было местом в мире, кроме высшего. Плимутские братья не принимали никакого участия в политической жизни. Теоретически, в рядах общины крестьянин был ничем не хуже лорда, поэтому социальное устройство Англии «братья» просто игнорировали. Мечтать о том, чтобы стать премьер-министром или даже королем, Алик не мог: он с самого начала был вне и выше этого. Достигнув того возраста, когда честолюбивые замыслы должны обрести конкретную форму, он, как мы увидим, попал в очень трудное положение. Земной шар оказался для него тесен.

Оглядываясь на свою жизнь от рождения и вплоть до мая 1886 года, он не обнаруживает в своих воспоминаниях ни четкой последовательности, ни какой бы то ни было связности. Но с названного момента начались перемены — как будто событие, произошедшее незадолго до того, наделило его разум новой способностью. Появилась новая движущая сила, и имя ей было смерть. Алика вызвали домой посреди семестра, чтобы он принял участие в специальном молитвенном собрании в Редхилле. Его отец заболел. Местный врач направил его к сэру Джеймсу Педжету³¹, и тот, обнаружив у больного рак языка, порекомендовал немедленную операцию. Чтобы выяснить, какова Господня воля в этом вопросе, со всей округи и даже издалека созвали «братьев». В результате операцию отвергли; решено было лечить недуг электрогомеопатией по методу графа Маттеи³² — до крайности шарлатанским способом, который ныне, к счастью, не применяется. Врача, приверженного надувательству этого сорта, в окрестностях не отыскалось, поэтому семья покинула Ферму и, перебравшись в Саутгемптон, поселилась в особняке под названием «Гленберни».

³¹ Педжет, Джеймс (1814—1899) — выдающийся английский врач, хирург и физиолог, один из основателей научной патологии. С 1858 года — королевский хирург, с 1871-го — баронет. Первым (в 1876 году) дал научное описание второму по распространенности в мире костному заболеванию, впоследствии названному в его честь, — болезни Педжета.

³² *Mattei*, Чезаре (1809—1896) — итальянский граф, разработавший методику альтернативной медицины, сочетающую в себе методы гомеопатии и электрическое воздействие на организм. В последней четверти XIX века эта методика была очень популярна и пропагандировалась как панацея, однако врачи того времени отзывались о Маттеи весьма пренебрежительно — как об «умопомешанном шарлатане».

5 марта 1887 года Эдвард Кроули скончался. Болезнь почти не причиняла ему физических страданий. Сейчас нас интересует в связи с этим только одно обстоятельство. В ночь на пятое марта мальчику (который находился в то время в школе, далеко от дома) приснилось, что его отец умер. Никаких оснований для этого в обыденной реальности не имелось, ибо известия о состоянии здоровья отца были весьма оптимистичны. Мальчику запомнилось, что этот сон качественно отличался от всех, что он видел прежде. Весть о смерти достигла Кембриджа только утром следующего дня. Факт этот интересен постольку, поскольку имеет более позднюю аналогию. В последующие годы мальчику — а затем и мужчине — неоднократно снилось, что умерла его мать; и в день, когда это действительно случилось, он, находясь за три тысячи миль, увидел тот же сон. Тот же — но отличавшийся от всех прочих тем особым, неопишмым, но безошибочно узнаваемым свойством, которое запомнилось ему в связи со сном о смерти отца.

Со дня отцовских похорон жизнь мальчика вступила в совершенно новую фазу.

Произошла радикальная перемена. Вернувшись в школу, уже через три недели Алик впервые в жизни попал в беду. За какое именно преступление его наказали, он не запомнил. <Мысленно возвращаясь к этим событиям еще раз, он предполагает, что был наказан за «разговорчики в строю» — за то, что во время прогулки шепнул словечко товарищу, шедшему с ним в паре.> В памяти сохранилось лишь то, что кару смягчили, снизойдя к постигшей мальчика утрате. Это был первый симптом полного преобразования, которое претерпели его взгляды на жизнь во всех ее аспектах. Явным толчком к этой метаморфозе, по-видимому, послужила смерть отца. Однако это объяснение нельзя считать достаточным. Условия школьной жизни, например, едва ли переменялись, но его реакция на них изменилась так, словно он стал другим человеком в буквальном смысле слова.

Свои воспоминания, относящиеся к периоду до смерти Эдварда Кроули, даже самые яркие и подробные, сын его воспринимает на удивление безлично. Окидывая мысленным взором этот период, он не может избавиться от ощущения, что исследует поведение какого-то другого человека, несмотря на то, что внимательный взгляд извлекает из прошлого все новые и новые факты. Только с указанного момента он начинает думать о себе в первом лице. И, воскрешая в памяти дальнейшие события, он именно так и поступает, а потому получает возможность продолжить эту автоагиографию в более привычном стиле, то есть говоря о себе «я».

© Перевод: Анна Блейз

www.oto.ru